
Досуг периода нэпа в постсоветской историографии (предварительные итоги исследования)

Тарасенко В. Н.

В статье, посвященной ведущим тенденциям развития отечественной историографии досуга двадцатых годов, рассматриваются ведущие сегменты исследовательского поля, сформировавшегося в 1990-е годы: девиантные, традиционные и новые формы досуга различных слоев нэповского социума. Анализ существующей литературы позволил автору сделать вывод, что большевистский режим сознательно и планомерно сокращал свободное время трудящихся, превращая его в форму коллективного времяпровождения с обязательным идеологическим наполнением. Что касается собственно историографических достижений, то в работах, к сожалению, доминирует «сюжетный» подход, препятствующий складыванию изучения досуговых практик в единое исследовательское направление.

Ключевые слова: историография, нэп, междисциплинарность, повседневность, досуг, девиация, общественная работа.

Main trends of national historiography development connected with deviant, traditional, new leisure activity of different New Economic Policy strata at twenties are considered in this article. Author's conclusion based on literature analysis points on Bolshevik regime planned reduction of leisure time in order to achieve collective and ideological leisure of employees. Unfortunately, narrative approach dominates in historiographical works that raise difficulties for learning leisure activities in unite research direction.

Key words: historiography, New Economic Policy, interdisciplinarity, daily life, leisure, deviation, public work.

Проблематике досуга не очень повезло в исследовательском плане. То ли у современных историков выработалось устойчивое отторжение наследия советской исторической науки, отводившей коллективному досугу советских людей существенное место в процессе становления «нового человека». То ли досуг априори записывается в категорию «мелкотемья». Характерно, что в подготовленную известным петербургским историком Н. Б. Лебиной энциклопедию повседневной жизни не вошла обобщающая статья о досуге. Хотя те или иные формы досуга советских людей в 1920-е годы (баня, игорный дом, парк культуры и отдыха, пивная, танцы) нашли свое место на страницах энциклопедии [15. С. 50, 165, 278, 283–285, 341].

Показательно, что на последней конференции в ИРИ РАН, посвященной нэпу (сентябрь 2002 г.), только в одном докладе была поднята проблема досуга в 1920-е годы, да и то через призму его маргинализации. И. А. Гатауллина представила «массовую маргинальность» в качестве совокупности «колоссального множества повседневных практик простых людей», включая досуг, наряду с другими показателями «жизнестойкости», в число параметров «обустроенности и надежности» жизни. Вступив на «зыбкую почву» нэпа, обыватель удовлетворял свои «духовные» потребности согласно своему менталитету и представлениям о культуре. Рабочего в равной степени тянуло в театр и кинематограф. Он с удовольствием смотрел классическую театральную по-

становку и комический фильм. Но сильнее его тянуло к пошлomu водевилю и низкопробному фильму, на танцы и в бильярдную. В крупных селах по воскресеньям возрождались традиционные ярмарки — зачастую просто гулянки с озорством и драками. Автор сделала важный вывод, что потерянности человека вследствие разрыва исторической преемственности стала главной причиной того, что «деревня стала плясать с остервенением», а «город предавался картежному азарту и угарному разгулу в пивных». В свою очередь, подобные досуговые практики усиливали диссонанс эпохи [6. С. 481–482, 497–499].

Следует, однако, признать, что немногочисленные работы по обозначенной проблематике позволяют не только выявить исследовательские приоритеты в изучении досуга 1920-х гг., но и через историографический анализ реконструировать основные его формы. Академик Ю.А. Поляков выделил изучение досуга в качестве одного из основных направлений истории повседневности, отметив множество связанных с этим сюжетов, начиная с физкультуры и спорта и кончая дворовой игрой в домино. Кроме уже ставших привычными форм досуга (посещения театров, концертов, кино и выставок, просмотра телепередач, дружеских вечеринок, пикников, застолий, чаепитий и современных «тусовок», участия в художественной самодеятельности), известный ученый обратил внимание на проблему алкоголизма, которая помогает понять, почему пьянство занимало и занимает такое важное место в досуге россиян. Вопросы досуга детей и подростков он тесно связал с выяснением роли улицы в его проведении. Ю.А. Поляков выделил еще одну важную составляющую досуга — экскурсии и туризм, в том числе «дикий», а также указал на связь с досугом «праздничной проблемы», то есть проведения государственных, религиозных и народных праздников [32. С. 12–13].

Первые постсоветские исследования досуга связаны, главным образом, с социальной историей и историей повседневности. В этом ряду нельзя не отметить написанную в специ-

фическом жанре «документальной истории» книгу «Голос народа» (М., 1997), открывшую новую серию изданий РОССПЭНа — «Социальная история России XX века». Признавая множественность элементов (от быта до досуга), составляющих мозаику повседневной жизни населения СССР двадцатых годов, авторы-составители на основе сводок и писем жителей сделали вывод об острой борьбе нового и старого укладов. Наглядный пример этого — нежелание крестьян посещать избы-читальни и стремление организовать свои места для переговоров — «дома крестьянской мысли» и «крестьянские думы» [8. С. 142, 144, 146–147].

Конечно, интерес к социальной истории, истории повседневности и микроистории стимулировал изучение бытовых практик двадцатых годов, но внимание историков и социологов привлекли в большей степени девиантные формы досуга и, прежде всего, ставшее притчей во языцех российское пьянство [14. С. 30–42; 22. С. 222–256; 29; 30. С. 129–134; 37. С. 467–481]. В общем, «досуг с достоинством» (по определению Цицерона) уступил на историографической площадке место «досугу без достоинства» [7. С. 129].

Действительно, пьянство оставалось бичом российской деревни и одной из основных форм сельского «досуга». Впрочем, недалеко от деревни в этом отношении ушел и город. В молодежной среде города и деревне двадцатых годов сохранялись традиционные «посиделки» и «вечерки», нередко заканчивавшиеся изрядным подпитием. Празднование одновременно старых и новых праздников во многом объяснялось желанием населения найти повод выпить и повеселиться, включая бои «стенка на стенку» [8. С. 155, 176].

Уральский историк М.А. Фельдман поднял вопрос о неоднозначности процессов, связанных с величиной времени, проводимого рабочими на производстве. Так, если в 1913 г. в крупной промышленности Урала в среднем насчитывалось 250–260 рабочих дней, то в 1922 г. за счет сокращения церковных праздников их число составило 270 дней [36. С. 55]. Впро-

чем, в двадцатые годы праздников оставалось немало. Поэтому после окончания Гражданской войны возобновилась традиция ходить в гости по праздничным дням. Кроме того, для большинства рабочих основным местом проведения досуга с середины 1920-х годов становится пивная, где было разрешено торговать и водкой [22. С. 222–256]. Петербургский историк Н. Б. Лебина обнаружила в архиве весьма курьезную фотографию середины двадцатых годов, запечатлевшую группу рабочих в трактире, за уставленным бутылками и стаканами столом, под висящим на стене портретом вождя с лозунгом «Ленин умер, но дело его живет».

Н. А. Араловец на основании проведенных в 1920-е гг. обследований рабочих и служащих, материалов советских и партийных органов и сведений ОГПУ, исследовала бытовые питейные практики москвичей и жителей Подмоскovie. Отмечая большую распространенность алкогольных напитков в рабочей среде, нежели среди служащих, автор, с другой стороны, показывает умеренность потребления алкоголя в рабочей среде Москвы. Хотя сама признает, что распитием спиртных напитков нередко сопровождалось официальными культурно-массовыми мероприятиями. Открытые с 5 часов утра до 11 часов вечера пивные двадцатых годов, оборудованные бильярдом и эстрадой, охотнее посещались рядовыми москвичами, нежели уважаемые клубы и рестораны. В свою очередь, расширению в бюджете рабочих расходов на алкоголь способствовало незначительное число культурно-просветительных учреждений [2. С. 149–152]. Разрешенные в 1922 г. сверху, под контролем профсоюзных секций студенческие землячества, за отсутствием средств, по большей части ограничивались культурно-просветительской работой, нередко сводившейся к распитию спиртного и танцам [25. С. 117].

Можно констатировать, что в нэповском социуме 1920-х годов одновременно сосуществовали две тенденции в сфере отдыха и досуга: узаконенная (официальная) и теневая. Потребность в релаксации вела к распростра-

нению в рабоче-крестьянской среде различных форм девиантного поведения. Действительно, в 1920-е годы общество, вышедшее из двух кровопролитных войн, испытывало острую необходимость в физическом и духовном отдыхе. Однако изменившиеся условия жизни привели к существенной трансформации представлений об отдыхе и досуге. Одной из главных тенденций в изменении этих представлений стало насыщение коллективных форм отдыха и досуга в силу того, что массовость мероприятий способствовала ритуализации общественного сознания [4. С. 210].

Те или иные формы городского досуга нашли свое отражение в работах, посвященных исследованию образных презентаций «новой буржуазии» двадцатых годов [3; 23. С. 29–42; 27]. Не секрет, что нэпманы, неуютно чувствовавшие себя в Советской республике, часто вели себя по принципу «пропадать — так с музыкой», предаваясь пьяным кутежам и разврату [21. С. 230–236]. Кроме того, нэп вернул в сферу городского досуга азартные игры. Так, обследование петроградских рабочих в 1923 г. показало, что карточные игры занимали в их досуге столько же времени, сколько танцы, охота, катание на лыжах и коньках, игра на музыкальных инструментах и в шахматы и шашки, вместе взятые. Рабочие стали завсегдатями советских казино, полагая, что тем самым приобщаются к ценностям городской культуры [13. С. 253–254].

Нэповский досуг оказался окрашенным в «кокаиновые тона», так как достать наркотики в эти годы не составляло особого труда — их можно было купить на рынках городов. Более того, в 1920-е гг. проявилась ранее не характерная для российского социума тенденция, когда наркотики стали проникать в среду молодых рабочих. Не в последнюю очередь этому способствовал запрет в первой половине 1920-х гг. на производство водки — традиционного элемента рабочего досуга. Употребление наркотических веществ в годы нэпа получило распространение и в среде творческой интеллигенции и даже среди работников правоохранительных органов [30. С. 129–134].

В годы нэпа в досуговой и производственной повседневности жителей советской России ситуаций внешних провоцирующих «сигналов» было много, а вот внешние и внутренние сдерживающие сигналы оказались явно в дефиците. Это в значительной мере определило масштабность хулиганства, превратившегося в двадцатые годы в специфическую форму пролетарского досуга как в столичных, так и провинциальных городах. Основная масса хулиганских поступков совершалась на улицах, но не были забыты хулиганами и рабочие клубы, кинотеатры, пивные, театры и даже государственные учреждения [31].

Повседневной жизни и специфическому «досугу» казанских безработных в 1920-е годы посвящена статья А. В. Морозова. Для поставленных в жесткие условия элементарного выживания безработных основным местом и временем «досуга» становилось стояние в очередях на бирже труда и мытарства в многочисленных бюрократических кабинетах. Обычным явлением для отчаявшихся людей становилось пьянство [19. С. 157–165].

Но, помимо девиантных форм досуга, отдых различных социальных групп существенно отличался: «ресторанный» досуг для нэпманов, коммерческие кинотеатры с широким репертуаром зарубежных фильмов для обывателей, рабоче-крестьянские клубы для широких народных масс и т. п. Все это происходило на фоне планомерного вытеснения из повседневности религиозных праздников. Населению предоставлялась возможность посещать вечера вопросов и ответов, музыкальные концерты, выставки и спектакли, секции и кружки, провести вечер в парке отдыха. Широкое распространение получили публичные лекции на разные темы, посещение изб-читален и народных домов [17. С. 178–179]. Неслучайно, к социокультурным сферам, наиболее затронутым переменами в двадцатые годы, современные исследователи, наряду с образованием, воспитанием и новым бытом, относят досуг и, прежде всего, просмотр кино и приобщение населения к чтению [12. С. 55].

В монографии С. В. Журавлева и М. Ю. Мухина рабочий досуг рассматривается как один из важнейших социальных факторов мотивации труда. В отдельной небольшой главе с характерным заглавием «Неплохо потрудились — ударно отдохнем» на примере Московского электроставода анализируются основные формы организованного отдыха рабочих конца 1920-х — 1930-х гг.: отдых и лечение по профсоюзным путевкам в ведомственных домах отдыха и санаториях, деятельность специальных залов и уголков культуры и отдыха на самом предприятии, а также заводских литературных и иных кружков. Авторы отмечают, что за счет общественных фондов обеспечивались возможности почти бесплатных походов рабочих Электроставода в театры, музеи и на выставки. Важное место в организации досуга занимала также работа спортивных и военно-технических кружков [11. С. 193–202].

В статье В. С. Тяжельниковой, посвященной повседневной жизни московских рабочих в двадцатые годы, упор сделан на доминирующие элементы традиционалистской культуры в рабочей среде Москвы, тесно связанной с деревней. Именно традиционализм во многом определял досуг рабочих, существенно зависящий от патерналистских позиций заводского руководства. А материальную базу коллективного досуга составляли самостоятельные театры, музыкальные и хоровые кружки, библиотеки и читальни [34. С. 194, 196–197]. Анализируя молодежную политику, автор показала, что досуг являлся важнейшим каналом влияния на заводскую молодежь. При этом «политическую корректность в проведении досуга» определяли комсомольские ячейки. Сюда включалось не только посещение театров и музеев, но и устройство благотворительных вечеров (например, в пользу безработной молодежи или неимущих учащихся), где кульминацией чаще всего были не поощряемые властями танцы [34. С. 215].

Досугу московских рабочих периода нэпа посвящены статьи И. Б. Орлова. С учетом наличия трех основных типов рабочих семей

(«рабочая целина», «первые борозды» и «новь») автор рассматривает специфику проведения ими досуга. Например, театр только с середины 1920-х гг. постепенно входит в быт отдельных рабочих, а в семьях первого типа жены, как правило, ни разу не были ни в кино, ни в театре. Единственным развлечением для женщин оставались многочасовая болтовня с соседками и обсуждение сплетней. «Первые борозды» также относились, скорее, к сфере общественно-политических, нежели культурных, интересов. И опять же новые веяния охватывали, прежде всего, мужчин, которые посещали популярные лекции на заводе, заводские и партийные собрания, кружки политграмоты и т. п. Совместные походы в театр и кино были нечастыми, а посещение музеев и выставок, как правило, проходило организованно. Наиболее политизирован был досуг семей третьего типа, где мужья вели активную общественную работу, а общественный интерес жен реализовывался в различных женских комитетах. Затраты на культурные цели составляли всего 1% хотя, в определенной мере это объясняется бесплатностью билетов на выставки и в музеи, различными скидками и использованием библиотек. Тем не менее, большинство рабочих театру и музею предпочитало гармонь и балалайку. Однако в рабочий быт постепенно входило слушание радио семьей в зимние вечера и экскурсии за город в летние дни [24. С. 45–54].

В. С. Тяжельникова актуализировала проблему досуга в связи с феноменом общественной работы как специфического явления советской повседневности. Она показала, что в 1920-е годы среди активной части промышленных рабочих определились две основные стратегии расходования свободного времени в связи с общественной работой. Если первая (самая распространенная) стратегия сводилась к формальному несению общественной нагрузки, то вторая преследовала самореализацию на общественном поприще и проявлялась в участии в многочисленных собраниях, заседаниях, шефских секциях и пр. [33. С. 100].

Специфической форме досуга селян во время их пребывания в городе посвящена работа О. М. Вербицкой о многопрофильной деятельности Московского губернского Дома крестьянина. Помимо размещения прибывших, сотрудники оказывали квалифицированную юридическую и агрономическую помощь, а также организовывали их культурный досуг. В 1920-е гг. Дом крестьянина вел свою работу через «показательную» избучитальню, уголок Ленина и «комнату отдыха». По вечерам играл граммофон, громко включалось радио, прослушивались последние известия и радиоконцерты. В свою очередь, политико-просветительный отдел Дома проводил различные встречи и вечера, организовывал лекционную работу, сочетавшую как политическую, так и чисто сельскохозяйственную направленность. При избучитальне был оборудован уголок по очень актуальной для 1920-х гг. проблеме ликвидации неграмотности. Действовал также уголок санитарии и гигиены, где крестьяне получали наглядные уроки по предназначению пока еще мало им известных предметов. Там же регулярно проходили беседы на медицинские и санитарно-просветительные темы. Кроме того, в Доме крестьянина организовывалось много экскурсий, в том числе по его достаточно богатому сельскохозяйственному музею и сельхозвыставке при Доме крестьянина. В 1920-е гг. чаще всего там выступали приглашенные художественные коллективы, в том числе и самодеятельные — «Синие блузы», «Красные рубахи» и др. Обычно устраивались хоровые концерты и кинопостановки [5. С. 12–18].

Л. А. Жукова освещает работу созданных в первой половине 1920-х гг. в больших городах клубов для беспризорных, призванных организовать досуг детей, вовлеченных в шайки полукриминального характера. В 1931 г., накануне массовой кампании по ликвидации детской беспризорности, Детская комиссия ВЦИК объявила Всероссийский конкурс на лучшую работу по охране детства, целью которого было, в числе прочего, привлечение

общественности к организации быта и досуга в детских домах и колониях [9. С. 228–229].

В меньшей степени в 1990–2000-е годы изучались формы индивидуального досуга, например, банная культура. Анализ трансформации последней как одной из важнейших форм городского досуга показывает, что, несмотря на частичную реанимацию банного хозяйства в годы нэпа, состояние этой сферы коммунального хозяйства оставалось плачевным. Особую остроту банная проблема приобрела с конца 1920-х годов в связи с бурным ростом городского населения, когда люди не имели возможности помыться даже два раза в месяц. Но самое главное — исчезали банные традиции. Уже в годы нэпа столичных и провинциальных пролетариев заставляли «коллективно» мыться под лозунгом борьбы на «новую культуру». При этом советские «здания для мытья» были рассчитаны не на комфорт, а на максимально большую «пропускную способность» для трудящихся масс [26. С. 73–80].

Еще меньше периоду нэпа повезло относительно микроисторических исследований досуга. Здесь можно отметить работу С. В. Журавлева, в которой раскрыты основные досуговые практики иностранной колонии московского Электростанов в 1920–1930-е гг. Досуг немецких рабочих-коммунистов, проходивший в образованном в 1923 г. немецком клубе, рассматривается автором как важнейший механизм их социальной адаптации к новым условиям жизни в СССР. При этом в двадцатые годы досуг иностранных и советских рабочих смыкался, так как в здание немецкого клуба мог пройти любой при наличии профсоюзной книжки или пропуска на свое предприятие [10. С. 97, 105].

Отдельный пласт работ по досуговой тематике представляют собой работы по истории туристского движения 1920-х годов [18; 28]. Однако в рамках данной статьи эти и другие

работы не рассматриваются в силу специфичности массового туризма эпохи нэпа.

Таким образом, несмотря на немногочисленность работ по досуговой проблематике и явный перекося в сторону девиантных форм отдыха, современная историография нащупала основные исследовательские узлы и продемонстрировала интерес к различным социальным слоям нэповского социума. Интересную интерпретацию соотношения категорий «повседневность» и «быт» находим в статье К. Г. Антоняна, рассматривающего повседневность в качестве продукта социального конструирования, а быт как более устойчивое, неподвижное и биологическое образование. По мнению автора, именно в быту, являющемся частью повседневности, человек способен ощутить свою свободу и выстроить свой «мирок». Именно с этим биологизмом быта и его неконтролируемой природностью и боролись в двадцатые годы архитекторы «новой культуры». Быт заменялся повседневностью, в которой усилиями государства легко можно было планировать жизненный распорядок и досуг граждан [1. С. 215–218]. На тотальную коллективизацию быта и досуга как процесса «выковывания коллективного тела» в 1990-е годы обратил внимание Э. Найман [20. С. 65].

Все вышесказанное позволяет выдвинуть гипотезу, что большевистский режим, сознательно и планомерно оповседневливая и ритуализируя быт, сокращал свободное время трудящихся, превращая его в форму коллективного времяпровождения с «правильным» идеологическим наполнением. Это создает предпосылки для образования определенной историографической общности. Однако в работах, к сожалению, доминирует «сюжетный» подход, препятствующий складыванию изучения досуговых практик в единое исследовательское направление в рамках социальной истории или истории повседневности.

Литература:

1. Антонян К. Г. «Новый быт» в советской культуре: между идеей и воплощением // Мир в новое время: Сборник материалов Девятой всерос-

сийской научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых по проблемам мировой истории XVI–XXI вв. СПб.: СПб. гос. ун-т, 2007.

2. Араловец Н. А. Питание жителей Москвы и Подмосковья, 1920-е годы // Наука — сервису (VIII-я — XI-я): Сборник избранных докладов Международных научно-практических конференций. Выпуск «Гуманитарный сервис». М.: ФГОУВПО «РГУТиС», 2007.
3. «Бублики для республики: исторический профиль нэпманов: Монография / Под ред. Р. А. Хазиева. Уфа: РИО БашГУ, 2005.
4. Булдаков В. П. Постреволюционный синдром и социокультурные противоречия нэпа // Нэп в контексте исторического развития России XX века. М., 2001.
5. Вербицкая О. М. Будни и праздники московского дома крестьянина (1925–1941 гг.) // Москва и Подмосковье: Праздники и будни: Сборник научных статей. М.: Изд-во МГОУ, 2005.
6. Гатауллина И. А. Нэповская повседневность Поволжья: социально-психологический анализ «массовой маргинальности» в контексте модернизационной перспективы // НЭП: экономические, политические и социокультурные аспекты. М.: РОССПЭН, 2006.
7. Гафурова З. Р., Гафурова Р. Р. К истокам понятия «досуг» // Проблемы истории сервиса: здравоохранение, культура, досуг: Сборник научных статей. М.: Изд-во МГОУ, 2004.
8. Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918–1932 гг. / Отв. ред. А. К. Соколов. М.: РОССПЭН, 1997.
9. Жукова Л. А. Опыт комплексной ликвидации массовой детской беспризорности в РСФСР в 20–30-е годы // Материнство и детство в России XVIII–XXI вв.: Сборник научных статей. В 2-х ч. Ч. I. М.: ГОУВПО «МГУС», 2006.
10. Журавлев С. В. «Маленькие люди» и «большая история»: иностранцы московского Электрозавода в советском обществе 1920–1930-х гг. М.: РОССПЭН, 2000.
11. Журавлев С. В., Мухин М. Ю. «Крепость социализма»: Повседневность и мотивация труда на советском предприятии, 1928–1938 гг. М.: РОССПЭН, 2004.
12. Корноухова Г. Г. Повседневность и уровень жизни городского населения СССР в 1920–1930-е гг. (На материалах Астраханской области): Дисс. ... к. и. н. М., 2004.
13. Лебина Н. Б. Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии. 1920–1930 годы. СПб.: Журнал «Нева» — ИТД «Летний Сад», 1999.
14. Лебина Н. Б. Теневые стороны жизни советского города 20–30-х годов // Вопросы истории. 1994. № 2.
15. Лебина Н. Б. Энциклопедия банальностей: Советская повседневность: Контуры, символы, знаки. СПб.: «Дмитрий Булавин», 2006.
16. Левинсон А. Г. Попытка реставрации балаганных гуляний в нэповской России. (К социологии культурных форм) // Одиссей. Человек в истории. 1991. М., 1991.
17. Леонова Н. А. Отдых и досуг в условиях постреволюционной и послевоенной релаксации: трансформация представлений и основные тенденции развития в 1920-е годы // «Курорт» в дискурсивных практиках социогуманитарного знания. Материалы международной научной конференции (Пятигорск, 27–29 апреля 2007 г.). Ставрополь; Пятигорск; Москва: ПЛГУ, 2007.
18. Миграции и туризм в России. М.: МГУС, 2007.
19. Морозов А. «За бортом труда»: повседневная жизнь 1920-х годов глазами казанских безработных // Советская социальная политика 1920–1930-х годов: идеология и повседневность / Под ред. П. Романова и Е. Ярской-Смирновой. М.: ООО «Вариант»; ЦСПГИ, 2007.
20. Найман Э. За красной дверью — введение в готику НЭПа // Новое литературное обозрение. 1996. № 20.
21. Орлов И. Б. «Новая буржуазия» в советской сатире 1920-х годов // История России XIX–XX веков: Новые источники понимания. М.: МОНФ, 2001.
22. Орлов И. Б. Новая политика — новое веселие // Веселие Руси. XX век. Градус новейшей российской истории: от «пьяного бюджета» до «сухого закона». М.: ПРОБЕЛ-2000, 2007.
23. Орлов И. Б. Образ нэпмана в массовом сознании 20-х гг.: мифы и реальность // Новый исторический вестник. 2002. № 1 (6).
24. Орлов И. Б. Семейный быт московских рабочих в 1920-е годы: жилищные условия, питание, досуг // Москва и Подмосковье: праздники и будни. Всероссийская научная конференция: Сборник статей. М.: Изд-во МГОУ, 2005.
25. Орлов И. Б. Студенческая семья 1920-х гг.: попытка многофакторного анализа // Российское студенчество: условия жизни и быта (XVIII–XXI века). Сборник научных статей. М.: Изд-во МГОУ, 2004.
26. Орлов И. Б. Эволюция русской бани: от образа жизни к помывочному пункту // Туризм и сервис в панораме тысячелетий. Альманах. Вып. 2. М.: МПГУ; ФГОУ ВПО «РГУТиС», 2010.
27. Орлов И. Б., Пахомов С. А. «Ряженные капиталисты» на нэповском «празднике жизни». М.: Собрание, 2007.
28. Орлов И. Б., Юрчикова Е. В. Массовый туризм в сталинской повседневности. М.: РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2010.
29. Панин С. Е. Повседневная жизнь советских городов: пьянство, проституция, преступность

- и борьба с ними в 1920-е годы (на примере Пензенской губернии): Автореф. дисс. ... к. и. н. Пенза, 2002. 19 с.
30. Панин С. Потребление наркотиков в Советской России (1917–1920-е годы) // Вопросы истории. 2003. № 8.
 31. Панин С. Е. «Хозяин улиц городских». Хулиганство в Советской России в 1920-е годы // Открытое сознание. Информационный проект URL: <http://old.sektam.net/modules.php?name=News&file=article&sid=111> (дата обращения: 15.10.2010).
 32. Поляков Ю. А. История повседневности важное направление науки // Человек в российской повседневности: сборник научных статей. М.: СТИ МГУ сервиса, 2001. С. 4–17.
 33. Тяжельникова В. С. Общественная работа в советской повседневности 1920-х гг. // Человек в российской повседневности: сборник научных статей. М.: СТИ МГУ сервиса, 2001. С. 97–101.
 34. Тяжельникова В. С. Повседневная жизнь московских рабочих в начале 1920-х годов // Россия в XX веке: Люди, идеи, власть / Отв. ред. А. К. Соколов, В. М. Козьменко. М.: РОССПЭН, 2002.
 35. Федосеева Л. Ю. Некоторые аспекты организации клубной деятельности в Поволжье во второй половине 20-х годов // Историография и история социально-экономического и общественно-политического развития Россия (вторая половина XIX — первая половина XX вв.): Сборник научных статей. Пенза: Пензенский гос. пед. ун-т им. В. Г. Белинского, 1997. С. 144–146.
 36. Фельдман М. А. К вопросу об уровне жизни уральских рабочих в 1922–1928 гг. // Гуманитарный сервис. Кн. 1. История повседневности. М.: Ин-т гуманитарных технологий МГУС, 2003. С. 51–62.
 37. Шкаровский М. Семь имен «кошки»: расцвет наркомании в 1917–1920-е годы // Невский Архив. 1997. Вып. 3.